

Любимые поэты

ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО

А снег идет...

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Е27

Дизайн серии *Анны Якуниной*
Составитель — *Наталья Селиверстова*

Евтушенко, Евгений Александрович
Е27 А снег идет... / Евгений Евтушенко. — Москва : Изда-
тельство АСТ, 2024. — 224 с. — (Любимые поэты).

ISBN 978-5-17-161112-5

Евгений Евтушенко еще при жизни завоевал огромную любовь миллионов людей, став по-настоящему народным поэтом. Он очень выделялся из блестящей плеяды шестидесятников, собиравших на свои вечера стадионы, и не только выразил мысли и чувства современников, но и определил отношение последующих поколений к поэзии и самому поэту.

Лирика Е. Евтушенко уникальна. Он писал кратко, емко, понятно и просто, отчего его стихотворения легко запоминались, а сами строки наполнялись особым звучанием, открывавшая новые возможности поэзии.

На его стихи известные композиторы писали музыку. Так появились песни, которые любят и поют до сих пор: «А снег идет», «Со мною вот что происходит», «Сереежка ольховая», «Хотят ли русские войны», «Ты уходишь, как поезд», «Любимая, спи» и другие.

Е. Евтушенко был голосом своей эпохи. Он считал, что поэта должно касаться все происходящее в мире и ему нужно откликаться на все события собственным словом. «Поэт в России — больше, чем поэт» — с этим не поспоришь.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-17-161112-5

© Евтушенко Е.А., наследники, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

**Со мною
вот что
происходит...**

* * *

Я сибирской породы.
Ел я хлеб с черемшой
и мальчишкой паромы
тянул, как большой.
Раздавалась команда.
Шел паром по Оке.
От стального каната
были руки в огне.
Мускулистый,
лобастый,
я заклепки клепал
и глубокой лопатой,
где велели, копал.
На меня не кричали,
не плели ерунду,
а топор мне вручали,
приучали к труду.
А уж если и били
за плохие дрова —
потому что любили
и желали добра.
До десятого пота
гнулся я под кулем.
Я косою работал,
колуном и кайлом.
Не боюсь я обиды,
не боюсь я тоски.

Мои руки оббиты
и сильны, как тиски.
Все на свете я смею,
усмехаюсь врагу,
потому что умею,
потому что могу.

1954

* * *

Я шатаюсь в толкучке столичной
над веселой апрельской водой,
возмутительно нелогичный,
непростительно молодой.

Занимаю трамваи с бою,
увлеченно кому-то лгу,
и бегу я сам за собою,
и догнать себя не могу.

Удивляюсь баржам бокастым,
самолетам, стихам своим.
Наделили меня богатством.
Не сказали, что делать с ним.

1955

Зависть

Завидую я.

Этого секрета
не раскрывал я раньше никому.
Я знаю, что живет мальчишка где-то,
и очень я завидую ему.

Завидую тому,

как он дерется, —
я не был так бесхитроsten и смел.

Завидую тому,

как он смеется, —
я так смеяться в детстве не умел.

Он вечно ходит в садах и шишках, —
я был всегда причесанней, целей.

Все те места, что пропускал я в книжках,
он не пропустит.

Он и тут сильней.

Он будет честен жесткой прямою,
злу не прощая за его добро,
и там, где я перо бросал:

«Не стоит!» —

он скажет:

«Стоит!» — и возьмет перо.

Он если не развяжет,

так разрубит,

где я не развяжу, не разрублю.

***

Л. Мартынову

Окно выходит в белые деревья.
Профессор долго смотрит на деревья.
Он очень долго смотрит на деревья
и очень долго мел крошит в руке.
Ведь это просто —

правила деленья!

А он забыл их —

правила деленья!

Забыл —

подумать —

правила деленья.

Ошибка!

Да!

Ошибка на доске!

Мы все сидим сегодня по-другому,
и слушаем и смотрим по-другому,
да и нельзя сейчас не по-другому,
и нам подсказка в этом не нужна.

Ушла жена профессора из дому.

Не знаем мы,

куда ушла из дому,

не знаем,

отчего ушла из дому,

а знаем только, что ушла она.

В костюме и немодном и неновом,

да, как всегда, немодном и неновом, —
спускается профессор в гардероб.
Он долго по карманам ищет номер:
«Ну что такое?»

Где же этот номер?

А может быть,
не брал у вас я номер?
Куда он делся? —

трет рукою лоб. —

Ах, вот он!..

Что ж,

как видно, я старею,

Не спорьте, тетя Маша,

я старею.

И что уж тут поделаешь —

старею...»

Мы слышим —

дверь внизу скрипит за ним.

Окно выходит в белые деревья,
в большие и красивые деревья,
но мы сейчас глядим не на деревья,
мы молча на профессора глядим.

Уходит он,

сутулый,

неумелый,

какой-то беззащитно неумелый,

я бы сказал —

устало неумелый,

